

По пути Ван Цзэвэнь встретил возвращающегося постановщика боевых сцен и спросил о состоянии Линь Чэна. Постановщик, хлопая себя по груди, заверил, что все в порядке, сказал, что Линь Чэн отдохнет и завтра вечером приступит к работе. Он с энтузиазмом начал рассказывать Ван Цзэвэню о своих боевых движениях, хвастаясь, как будто это были какие-то легендарные техники.

Ван Цзэвэнь усмехнулся, но Лю Фэн отвел его в сторону.

— Что-то случилось? — спросил Ван Цзэвэнь.

— Ничего. Ты собираешься поведать Линь Чэна? — спросил Лю Фэн. — Не ходи. Что ты там увидишь? Говорят, все в порядке.

Ван Цзэвэнь высвободил руку:

— Что с тобой? Я не могу поведать актера из своей группы?

Лю Фэн замялся:

— Не ходи. У тебя тут дела.

Ван Цзэвэнь не мог понять своих чувств, но раздражение от того, что Лю Фэн стоит у него на пути, усилилось:

— Лю Фэн, ты знаешь, что ты в последнее время странно себя ведешь? Что ты задумал?

Лю Фэн замолчал, его голос стал тихим:

— Странный не я, а ты. Режиссер Ван... не надо так.

Выражение лица Ван Цзэвэня смягчилось, голос стал спокойнее:

— Что со мной?

Задавая этот вопрос, он и сам понимал, что в последнее время ведет себя необычно. Непонятные перепады настроения, непонятное чувство потери.

Но он не понимал, в чем дело, и, казалось, ждал, что Лю Фэн даст ему ответ.

Лю Фэн не хотел говорить.

Он думал, что если он промолчит, то Ван Цзэвэнь, с своей медлительностью, возможно, забудет об этом.

Они долго молчали, и Ван Цзэвэнь сам сказал:

— Я слишком забочусь о нем, да?

— Ты обо мне не заботишься? О старом Лю? Или о Го Иши? — спросил Лю Фэн. — Ты его всему учил, даже диалоги с ним разбирал. Все хотят работать с тобой, потому что ты ответственный.

Ван Цзэвэнь продолжил:

— Я постоянно думаю о нем.

— Потому что сейчас мы снимаем сцены с Бэй Гу, и ты им восхищаешься, — сказал Лю Фэн. — Предыдущий актер на второстепенную роль был ужасен, а Линь Чэн — профессионал высокого уровня. Это нормально. Ты раньше тоже постоянно говорил о Го Иши, что он тебя сильно раздражает.

Ван Цзэвэнь пробормотал:

— Я часто злюсь на него.

— Потому что Линь Чэну не везет, вокруг него постоянно какие-то неприятности, — сказал Лю Фэн. — Пройдет время, и все наладится, у тебя не будет повода злиться. Эй, ты же и на Го Иши часто злишься.

Лю Фэн подумал: «Прости, Го Иши».

Чем больше он говорил, тем больше Ван Цзэвэнь чувствовал, что это не так.

Чувства были совершенно другими. Контраст был очевиден.

Взгляд Ван Цзэвэня стал расфокусированным, и только через некоторое время он сказал:

— Тогда ты спросил... я его поцеловал?

Лю Фэн чуть не выпалил: «Может, ты поцелуешь Го Иши, чтобы проверить?». Но вовремя остановился, испугавшись своей мысли.

— Ты был пьян... — сказал Лю Фэн.

— А ты уверен, что когда я пьян, я совсем не в себе? — спросил Ван Цзэвэнь.

Лю Фэн молчал.

Ван Цзэвэнь усмехнулся, с иронией сказав:

— Великая генетика.

Лю Фэн с грустью сказал:

— Пожалуйста, гомосексуальность не передается по наследству, спасибо.

Ван Цзэвэнь сильно сжал сигарету зубами, но не смог ее перекусить.

Лю Фэн, подумав, осторожно сказал:

— На работе нормально испытывать симпатию к коллегам, но со временем это проходит. Люди легко отдаляются друг от друга. Линь Чэн говорил, что, возможно, больше не будет сниматься. Вы, может, больше и не встретитесь. Режиссер Ван, ты столько лет был гетеросексуалом, может, стоит продолжить?

Ван Цзэвэнь рассмеялся:

— Да пошел ты. Ты сам слышишь, что говоришь?

Лю Фэн сказал:

— Я знаю, что ты не хочешь быть гомосексуалом, и Линь Чэн тоже не хочет. Так что, может, пусть все останется как есть, и пусть прошлое уйдет. Ты же не хочешь, чтобы это повлияло на работу.

Ван Цзэвэнь убрал сигарету и неопределенно кивнул.

Он и сам не знал, что это — симпатия, влечение или настоящая любовь. Он чувствовал, что ему нужно остыть, чтобы не наделать глупостей.

Лю Фэн осторожно спросил:

— Пойдем обратно?

Ван Цзэвэнь застегнул пальто, сделал два шага, поднял голову и сказал:

— Я пойду, а ты иди туда.

Лю Фэн кивнул:

— Хорошо.

Линь Чэн сидел на кровати, делая растяжку, когда в дверь постучали. Он услышал голос Лю Фэна:

— Ты здесь? Я зайду?

Он быстро поправил одежду, накрыл одеялом и сказал:

— Входи.

Лю Фэн, держа в руке сумку, открыл дверь, улыбнулся и поставил вещи на тумбочку.

— В последние дни погода холодная, завтра ночью будут сцены под дождем, так что береги себя, не заболей, — сказал Лю Фэн, доставая вещи из сумки. — Не знаю, подготовился ли ты, но я попросил ассистента Хуан Шицин сделать копию. Вот коробка с лекарствами от простуды и холода, завтра я попрошу их приготовить для тебя горячий имбирный напиток в термосе, не забудь выпить.

Линь Чэн посмотрел на сумку, открыл рот, но ничего не сказал.

Лю Фэн сел на кровать и спросил:

— Ты в порядке после падения? Кто-то сказал, что ты упал со стены. Если есть растяжение или что-то подобное, не терпи, это может стать хроническим.

— Ничего серьезного, — сказал Линь Чэн. — Я просто не устоял на ногах.

— Хорошо, — сказал Лю Фэн, протянув ему визитку. — Постановщик сказал, что этот старый лекарь делает волшебный массаж, боль в суставах и мышцах проходит мгновенно. Клиника недалеко, я уже записал тебя на прием, может, завтра сходишь?

Линь Чэн взял визитку и сказал:

— Спасибо.

Лю Фэн улыбнулся:

— Не за что. Тогда я пойду, на площадке еще дела.

Линь Чэн кивнул:

— Хорошо, спасибо.

После того как Лю Фэн ушел, Линь Чэн открыл сумку и посмотрел, что внутри.

Там были полотенца, одеяло, электрические наколенники и термостелка.

Линь Чэн почувствовал себя глупым, подумав, что, возможно, это Ван Цзэвэнь попросил Лю Фэна принести ему эти вещи.

Он положил сумку обратно, вложил визитку в кошелек, сбросил одеяло и начал массировать свои мышцы.

На следующий день Линь Чэн так и не пошел в клинику к старому лекарю. Он нашел время и отправился на репетицию с постановщиком боевых сцен.

Так как вечером предстояла масштабная сцена, ключевые актеры, хотя и с небольшими ролями, должны были появиться на экране. Все пришли на площадку рано, чтобы сделать макияж и ждать.

Небо быстро потемнело.

Декораторы и режиссер проверяли декорации, завершая последние приготовления.

Гримеры трижды подкрашивали Линь Чэна, прося его не бегать и не прыгать, чтобы макияж не испортился.

Они были более взволнованы, чем он сам, потому что Линь Чэн появлялся в этом фильме крайне редко, и часто даже без макияжа. Теперь, когда он должен был появиться в полный рост, они не хотели упустить шанс показать свои навыки.

Линь Чэн хотел сказать, что это не так важно, ведь ему предстояло сниматься под дождем, и о какой красоте могла идти речь.

Он вышел из гримерки и прислонился к перилам, чтобы отдохнуть. Он держал меч и бесцельно рисовал круги на земле. Острие меча отбрасывало длинную тень в свете ламп, которая постоянно колебалась.

Он был погружен в свои мысли, когда к нему подошел Го Иши и поздоровался.

Линь Чэн тоже кивнул ему.

Го Иши, жестикулируя, сказал:

— Эта сцена очень сложная, длинный дубль. Я боюсь длинных дублей режиссера Вана, меня всегда ругают.

— Просто больше репетируй, — сказал Линь Чэн.

Го Иши покачал головой:

— Хуан Шицин сняла столько сцен, и ее тоже часто ругают. Только когда ты на площадке, все довольны.

— Я тоже часто ошибаюсь, просто все хорошие и учат меня, — сказал Линь Чэн. — От тебя ждут большего.

Линь Чэн положил меч и взял стакан с водой.

Го Иши улыбнулся и сказал:

— Я тебе завидую.

Линь Чэн остановил стакан на полпути и спросил:

— Чему?

— Твоей вовлеченности в игру, — вздохнул Го Иши. — Самодисциплина — это тоже талант. Для меня ты — гений.

Линь Чэн усмехнулся:

— Не преувеличивай.

— В нескольких сценах ты был рядом со мной, когда я снимал дубли. Сниматься с тобой для меня было большим стрессом, даже больше, чем с Хуан Шицин.

<http://bllate.org/book/16819/1546890>